

Дмитриева Н.М., Линтовская Е.М.
Оренбургский государственный университет
E-mail: orencentrslav@yandex.ru

ЭТИЧЕСКАЯ НАГРУЗКА КОНЦЕПТА «КРОТОСТЬ» В СЛОВАРЯХ XI–XIX вв. (ДИАХРОНИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Концепт «кротость» содержит высокую этическую нагрузку, занимает центральное место в системе ментальных нравственных ценностей, однако остается малоизученным в лингвистике.

В статье рассматривается этическая нагрузка концепта «кротость» на материале словарей церковнославянского языка и русского языка XI–XIX вв., смысловая наполненность концепта в религиозном и светском дискурсе, а также семантические особенности вербализаторов концепта «кротость»: кроткий, тихий (тихость), смиренный (смирение).

В ходе анализа установлена этическая смысловая доля концепта «кротость» – «благодать, смирение, тихость, незлобивость как свойство самого Бога и идеал для человека». Концепт «кротость» входит в ряд этических концептов наряду со смиренномудрием, милосердием, богобоязненностью, любовью и др. На протяжении всего исследуемого периода главные вербализаторы концепта и их дериваты обладают высокой степенью этической значимости, то есть сохраняют этическую смысловую долю во всех значениях либо в одном из значений. Однако в семантике слов, вербализующих концепт, с течением времени отмечается развитие значений с отрицательной коннотацией, а также этически «противоположных» значений: смирение (оскорбление, огорчение, унижение, порабощение, уничтожение, ничтожество), смирять (уничижать, оскорблять, заставлять покориться), тихоня (скрытный и лукавый человек), тиходом (скрытный, себе на уме). Отмечено, что «смирение» отличается от «кротости» и «тихости» семантически, так как оно обозначает в большей степени путь к кротости, а два последних вербализатора – само свойство.

Установлено, что этическая смысловая доля концепта сохраняется во внутренней форме слов, вербализующих концепт, и их дериватов.

Ключевые слова: концепт, этическая нагрузка, этическая смысловая доля, ментальность, кроткий, тихий, смиренный.

В данной статье, не претендуя на полноту описания, мы попытались исследовать структуру такого сложного и многогранного концепта как «кротость» с позиции его этической значимости в русской ментальности. Исследование проводилось в диахроническом аспекте, так как для того чтобы установить этическую смысловую наполненность концепта, необходимо обращение к внутренней форме слова (прежде всего этимологии). Общеизвестно, что нравственные нормы, характерные для русской ментальности, имеют христианские корни. Следовательно, первоначальные этические смысловые доли концепта можно установить через анализ лексики церковнославянского языка [5, С. 45]. Установление этической смысловой доли концепта «кротость» и анализ ее сохранения в русском языке до XX вв. стало целью данной работы. Изучение этической нагрузки концепта в послереволюционную эпоху является темой отдельной статьи.

Деривационный ряд, представленный в словаре церковнославянского языка Г. Дьяченко, включает только 2 слова: **кротостный** (соединенный с кротостью, растворенный кротостью), **кротость** (с указанием греческого слова-источника и поправкой «иногда значит

слабость, изнеможение») [6, С. 272]. В монографии Т.И. Вендиной, посвященной изучению средневекового человека на материале старославянского языка, **кротостънъ** (исполненный кротости) встречается среди имен, характеристик человека, имплицитно выражающих идею Бога через признаки и символы, сопутствующие идее Христа [1, С. 78]. Этический смысл кротости наглядно представлен в религиозном дискурсе: «Возьмите иго Мое на себя и научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем, и найдете покой душам вашим» (Матф. 11:29); «Се, Царь твой грядет к тебе кроткий, сидя на ослице и молодом осле, сыне подъяремной» (Матф. 21:5). Таким образом, кротость – это главное качество, свойство Бога, и, соответственно, кротость – это достоинство христиан, их необходимое качество: «Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю» (Матф. 5:5). Однако качество это столько же труднодостижимо, сколько ценно. Возможно, что неразвитое словообразовательное гнездо лексемы «кротость» в церковнославянском языке объясняется сакральностью этого свойства: высшая степень святости, важнейшее качество Самого Христа. Следовательно, смысловая наполненность

данного концепта включает в себя все сказанное о Христе в Священном Писании и может быть определена как «благодать». И именно эта смысловая доля концепта содержит самую высокую степень этичности (иначе ментально-нравственной значимости) и заключает в себе кротость, смирение, тихость, терпеливость, незлобивость, любовь и др.

Кроме того, этический смысл концепта содержится и в другом вербализаторе, указанном в словаре: тихꙋй (благодарный, кроткий; тихий, спокойный; безмятежный), тихомирно (тихо; с миром), тихообразно (спокойно, кротко), тихостный (тихий, кроткий), тихость (ясность духа), ꙗтихновенꙋе (утишение, успокоение, усмирение), ꙗтихостный (тихий) [6, С. 722]. Причем слова с прямым значением «тихо, без звука, без шума» имеют внутреннюю способность пониматься метафорически: «тихо, без звука страстей», то есть «кротко, с миром и покоем». Например, тихо (тихо, без бури и кораблекрушения), тихоглаголаніе (кроткое вещание, тихая речь), тихогласно (тихим, негромким голосом). Слова «ꙗтихостаю» (облегчаю), «ꙗтихостꙋе» (прекращение, прекращение) тоже могут пониматься относительно душевных бурь, вызванных страстями, утихновение которых, в том числе добрым словом, приносит облегчение.

Верещагин Е.М. утверждает, что семантика прилагательного тихꙋй, тихꙋй основана на метафорическом переносе, отличном от греческой метафоры. Его рассуждения строятся на анализе сочетания «уста тиха», употребленного по отношению к Иоанну Златоусту, прозванному так за сильный, звучный голос, риторическое мастерство. Несоответствие значения слова «тихий» – «негромкий» образу святителя Е.М. Верещагин объясняет тем, что метафорически лексема «тихий» означает душевное состояние – «спокойствие, безмятежность, невозмутимость», а также благодать (состояние душ, принявших в себя Христа), как и в греческом эквиваленте. Однако в отличие от греческого значения, построенного на основе прямого значения «отсутствие движения волн», славянское «тихий» строится на семантике «отсутствие крика и шума». «Уста тиха» Иоанна Златоуста – это символ благодати, безмятежности, невозмутимости и бесстрастности его проповеди. Благодатная

проповедь может говориться громким голосом» [2, С. 346 – 352].

Вероятно, с этой традицией подчеркивать то, что благодатная (тихая) проповедь может и должна читаться громким голосом, во всеуслышание, связано и «странное», на первый взгляд, значение слова «тихий», приведенное В.И. Далем: «Тихий – громкий, звучный, зычный, звонкий, шумный», и только во вторую очередь – глухой, слабый» [4].

Отметим, что смирение в большей степени, чем кротость, обладает особой концептуальной природой. Оно, как и любовь, радость и др. концепты [13, С. 446]. обозначает двусторонний процесс, взаимодействие того, кто смиряется, и того, кто смиряет. Однако смирение обладает заметным отличием в сравнении с радостью и любовью: смиряться самому, то есть становиться кротким, мирным, покорным воле Бога, оценивается в русской ментальности как положительное качество (евангельское «ибо я кроток и смирен сердцем»), а смирять другого, то есть уничивать, оскорблять, заставлять покориться, как отрицательное. Так, в словаре церковнославянского языка смиреніе – это примирение, мир и, с другой стороны, оскорбление, огорчение, унижение, порабощение, уничижение, ничтожество; смиръю означает «укрощаю, уничижаю, низлагаю, истощаю» и, с другой стороны, «делаться смиренным, покорным, послушным» [6].

Самым близким к пониманию концепта кротости как благодати в этом ряду вербализаторов можно считать слово смиренномудріе (смирение, то есть добродетель, гордости противная), но и оно содержит семантическую долю с отрицательной коннотацией – «притворное уничижение», такую же коннотацию имеет лексема смирити (унижать, смирать, делать малодушным). Слово смиренный, как и смирикъ (усмиритель, миротворец), раскрывает «земную» природу смирения – «огорченный, удрученный, изможденный, умеренный, скромный» [6, С. 622].

В древнерусском языке (11 – 17 вв.) можно наблюдать разветвленное словообразовательное гнездо доминантного вербализатора концепта «кротость»: кротѣти (успокаиваться), кротити (укрощать, заставлять животное повиноваться воле человека; смирать, успокаивать, утихомиривать непокорного человека), кроткии (кроткий, смиренный, незлобивый, покорный; приру-

ченый, домашний; скромный, воздержанный; спокойный, мирный; слабый, недостаточно развитый; тихий, несильный (о ветре), кроткодушный (имеющий кроткую душу; смиренный, незлобивый), кротколюбивый (любящий кротость), кроткостояние (стояние (на молитве) с кротостью, смирением), кротостный (кроткий, смиренный, покорный), кротость (кротость, незлобность, покорность) [9]. Высокая этическая нагрузка каждого члена ряда свидетельствует об особой значимости кротости в этот период.

Интересно, что И.И. Срезневский не формулирует значение кротости, а передает его примерами из текстов, которые отражают этическое наполнение концепта, причем кротость в примерах ставится в один ряд с другими этическими концептами: смиренномудрием, милосердием, богобоязненностью и любовью. Кроме того, анализ словарных статей показал, что деривационный ряд лексемы «кротость» значительно увеличился, что подчеркивает значимость концепта для духовной сферы: кротъко, кротъкодУшьныи, кротъколюбивыи (боголюбивый, друголюбивый), кротъкыи, кротцѣ, кротъныи. [11, С. 1331]. Значения всех лексем словообразовательного гнезда определены примерами из текстов Священного Писания, что подтверждает мысль о сакральности концепта в русской ментальности.

Следует отметить интересную особенность: в древнерусском языке значение смирения («мир») как одного из ключевых вербализаторов концепта «кротость» сближается со значением «мера». Так, слово смѣрение в первом значении – мера, надлежащая мера; порядок, обычай; следующие значения повторяют вслед за церковнославянским языком «земное» проявление смирения: низкое положение, униженность, ничтожество; обуздание, утеснение, приведение к покорности, исправлению, а также способы устройства для осуществления указанного воздействия. Остальные значения слова смѣрение этически нагружены и фиксируют христианское понимание смирения: сознание своей греховности, раскаяние, сердечное сокрушение; страдание, унижение; истребление (в данном контексте речь идет о об истреблении грехов и страстей); самоумаление, кеносис (Христа); смиренный, скромный образ поведения. Еще одно значение не раскрывает этической

смысловой доли концепта прямо, но свидетельствует о ней косвенно: «выражающее скромность самотитулование церковных иерархов». Такое именование связано с желанием уподобиться, хотя бы формально, Христу в его главных качествах – кротости и смирении [10]. Этическую долю концепта содержат и остальные дериваты смѣрено (смиренно; снисходительно; скромно, просто, без роскоши), смѣренолюбие (склонность к смирению), смѣреномудреный (смиренно мыслящий, сознающий свою греховность), смѣреномудровати (быть смиренным, скромным, сознавая свое несовершенство, свою греховность), смѣренный во втором, четвертом и следующих значениях (скромный, простой; не возвышающий себя, не гордящийся, скромный, мягкий; тот, кто не возвышает себя, не гордится) [10]. Прямое значение слова смѣренный – соответствующий, соразмерный; умеренный; умеренность, мера – тоже может приобретать этический смысл, если употребляется по отношению к чувствам, чертам характера, так как умеренность чувств, как положительных, так и отрицательных, и есть добродетель смирения. Кроме того, некоторые значения слова смѣренный, а именно «бедный, несчастный, удрученный, униженный», «слабый, ограниченный в своих возможностях; больной», «пониженный, печальный; ничтожный; низкий», отчасти «то, что находится внизу», если понимать последнее как то, что находится внизу социальной или иной иерархии, могут нести этический смысл в определенном контексте (в христианском дискурсе).

Слова «смирение» в словаре И.И. Срезневского [12] не встречается, но словообразовательное гнездо другого вербализатора концепта «кротость» – тихий представлено широко, причем этическая смысловая доля выражается очень ярко: тихость (спокойствие: «»)Въ радости и тихости с@шта»; кротость, благодсть), тихота (успокоение, душевная тишина, благодсть), тихо (в 1-м значении: негромко, во 2-м и 3-м прослеживается доля этичности: спокойно, без волнений; спокойно без страданий), тишьство (спокойствие: Да станеть земля на чинѣ своемъ и тишьствѣ). И только лексема тихы имеет «материальное» значение – тихо, без шума; тихо, про себя, – хотя полная форма тихыи обладает этической нагрузкой, о чем свидетельствует не

только трактовка значений, но в большей степени примеры, иллюстрирующие их: спокойный (Кротокъ нравьмь, и тихъ съмысльмь, и простъ оумьмь), кроткий (не гневливъ, милосердѣнь и тихъ), благожелательный, добрый; благодѣтельный (заступникъ тихьи), последнее еще раз подтверждает рассуждение Е.М. Верещагина об устах тихих, то есть благодѣтельных.

Наиболее полно этическое значение исследуемого концепта отражено в словаре В.И. Даля: кроткий – тихий, скромный, смиренный, любящий, снисходительный; не вспыльчивый, негневливый, многотерпеливый [3]. Деривационный ряд в словаре В.И. Даля, зафиксировавшем состояние русского языка XIX в., представлен значительно уже, чем в древнерусском языке, однако все лексемы, указанные в словаре, содержат этическую нагрузку. Так, в словаре встречаются: кротить (укрощать, смирать, утишать, унимать), кротеть (становиться кротким, смиряться, униматься), кротость (свойство, состояние, принадлежность кроткого), кроткодушный, кротконравный (свойство это, кротость).

Другие вербализаторы концепта, включенные в «Словарь живого великорусского языка», также обозначают этическую смысловую долю «благодѣтельный, кроткий»: тихостный (тихий, тихомирный, кроткий, смиренный), тихонький человек (скромный), тихоня (в первом значении: тихий, смиренный, кроткий, скромный, робкий человек, который воды не замутит), тишить (унимать, утишать, успокаивать, укрощать), тишина (во втором значении: мир, покой, согласие, лад; отсутствие тревоги либо ссоры, свары, сполоху), тихонравие (дружелюбие), тиходом (домосед, семейный, не светский человек; кроткий, смиренный человек), тихоимок (тихоня), тихомол (то же, что тиходом, домосед). Интересен тот факт, что в XIX веке у некоторых вербализаторов концепта «кротость» с корнем тих-, в отличие от предыдущих эпох, появляется отрицательная коннотация, новое этически «противоположное» значение: тихоня (во втором значении: медленный, мешкотный в работе, неспешливый, нескорый; потайка, скрытный и лукавый человек), тиходом (в третьем значении: скрытный, себе на уме).

На первый взгляд, значение слова «тихомолком» – втихомолку, шепотом, молча; скрытно, тайно, украдкой, крадучись, тайком –

кажется также не лишенным отрицательной коннотации. «Крадучись, украдкой, скрытно» в современном восприятии связано с чем-то неблагоприятным, преступным. Однако в прошлом веке эти слова воспринимались прежде всего в прямом значении, то есть «скрытно, тайком» значит «неизвестно для других». И это значение не содержало коннотаций. Достаточно вспомнить строки известной пушкинской сказки «тихомолком расцветая», сказанные о царевне, являющейся для поэта женским идеалом, главное достоинство которой – кроткий нрав.

Еще одна особенность восприятия слова «тихий» в XIX столетии, по сравнению с предыдущими, – более развернутый ряд лексем с этически нейтральным значением «без звука». Например, тишина (когда все тихо: молчанье, безгласность, немота), тихнуть (затихать, молкнуть, становиться тише), тишком (тихо, тихонько), тихонько (тихонько, весьма тихо), а также совершенное отсутствие этической нагрузки у слова «тихость» (свойство, качество тихого действия), имевшего широкую семантику в древнерусском языке (см. выше).

Смирение в словаре В.И. Даля также содержит этическую смысловую долю, но имеет семантические отличия. Толкование смирения как «сознание слабостей своих и недостатков, чувство сокрушения, унижения; раскаянье; скромность» – это скорее «путь» к кротости, чем сама кротость, этический смысл которой – «благодѣтельство, состояние благодатного, миролюбивого покоя». То же встречаем и в значениях родственных смирению лексем: смиренный (тихий, кроткий, спокойный и ровный нравом; не сердитый, добрый; не дикий, ручной), смиренный (кто смирился, кто живет во смирении, в кроткой преданности провиденью, в сознании своего ничтожества). Однако глагол «смирать» содержит в большей степени значение обратного процесса, оцениваемого в русской ментальности, как мы уже говорили, негативно: усмирать, укрощать или обуздывать, отвадив от дикости; сделать кротким, покорным, послушным; приводив в покорность, лишая природной дикости, зверства, своеволия, самонадеянности. Это значение развивается на данном этапе до степени антиэтичности (кротить, сокотить, упокоить, убить), хотя лексема все еще содержит этическую нагрузку в других значениях: смирить – помирить или согласить,

кончить вражду, ссору, убедив помириться, а также «смирять себя» [4].

По мнению А.Д. Шмелева, в русском языке развито представление о смирении как об особом типе поведения – мирном, не буйном. В качестве примеров он приводит слова: при-смиреть, усмирить, смирительная рубашка, народное «смиренный» и литературное «смир-ный» [7, С. 119]. Шмелев отмечает также, что для русской языковой картины мира чрезвычайно характерна установка на «примирение с действительностью» [7, С. 117]. «С точки зрения установки на «примирение с действительностью», достижение внутреннего мира (умиротворенного состояния духа) возможно лишь при условии примирения с внешним, окружающим миром, то есть отказа от вражды с другими людьми и принятия всего, что вокруг происходит. При этом носитель такой установки сам для себя находит аргументы, почему «примирение с действительностью» возможно, разумно и необходимо» [7, С. 117].

Однако, как указывает А.Д. Шмелев, в отличие от западного христианского идеала, допускающего активную борьбу за лучшее устройство жизни, «русский идеал смирения» предполагает покорность обстоятельствам [7, С. 117]. В то же время при употреблении слова «смирение» в религиозном контексте речь, как правило, идет именно об отсутствии гордости, а идея «примирения с действительностью», покорности обстоятельствам уходит на задний план, исследователь пишет о возможности совмещения смирения и активной творческой деятельности, характерной для русских представлений о смирении.

В этическом словаре (в котором отсутствуют кротость и тихость как категории этического) раскрывается этическое понимание смирения как благодати. Авторы словаря указывают, что в христианской этике смирение связано с кротостью, долготерпением, снисхождением и прощением обид и характеризует внутреннее состояние упования на Бога. В словаре указывается, что христианское смирение неразрывно связано с чувством любви человека к Богу – глубоким ощущением и сознанием того, что человек сам по себе ничтожен и беспомощен, а если и достигает чего-либо, то исключительно благодаря милости Божьей [14]. С одной

стороны, подтверждается расхожее мнение, о котором пишет А.Д. Шмелев, о пассивности смирения. Однако в этическом словаре подчеркивается и другая, высказанная исследователем мысль: смирение не отрицает активной деятельности. Оно служит отражением религиозно-нравственного стремления к совершенству: чем выше человек поднимается нравственно, тем в большей степени осознает себя грешником. Интересна мысль о том, что смирение не ослабляет и не принижает самосознание человека, напротив, оно характеризуется полным напряжением всех его сил, связанным с его устремленностью к религиозно-нравственному идеалу – жизнью человека по образу Божьему. Таким образом, христианский идеал, определяющий величайшее назначение человека – достижения им богоподобия, – в то же время способствует возникновению глубочайшего смирения, благодати [14].

Таким образом, мы установили, что концепт «кротость» занимает центральное положение в системе этических ценностей, свойственной русской ментальности, наряду с милосердием, любовью, миролюбием, терпением и др. Этическая смысловая доля концепта – «благодать, смирение, тихость, незлобивость как свойство самого Бога и идеал для человека». Высокая этическая нагрузка концепта наиболее полно реализуется в религиозном дискурсе. Вербализаторами концепта выступают лексемы «кротость», «смирение», «тихость» и их дериваты, каждый из которых содержит этическую смысловую долю. Однако в семантике слов, вербализующих концепт, с течением времени отмечается развитие значений с отрицательной коннотацией, а также этически «противоположных» значений: смирение (оскорбление, огорчение, унижение, порабощение, уничтожение, ничтожество), смирять (уничижать, оскорблять, заставлять покориться), тихоня (скрытный и лукавый человек), тиходом (скрытный, себе на уме). Отмечено, что «смирение» отличается от «кротости» и «тихости» семантически, так как он обозначает в большей степени путь к кротости, а два последних вербализатора — само свойство. Этическая смысловая доля концепта сохраняется во внутренней форме слов, вербализующих концепт, и их дериватов на протяже-

Список литературы:

1. Вендина, Т.И. Средневековый человек в зеркале старославянского языка. – М.: Индрик, 2002. – 336 с.
2. Верещагин, Е.М. Церковнославянская книжность на Руси. Лингвотекстологические изыскания. – М.: Индрик, 2001. – 608 с.
3. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т.2.: И – О. 6-е изд., стереотип. – М.: Дрофа; Рус.яз. – Медиа, 2011. – 779 с.
4. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т.4.: Р – V. 6-е изд., стереотип. – М.: Дрофа; Рус.яз. – Медиа, 2011. – 683 с.
5. Дмитриева, Н.М. Этически значимая лексика в поэтическом цикле Б. Пастернака «Стихотворения Юрия Живаго» // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2012. – №4 (140) апрель. – С. 45 – 49.
6. Дьяченко, Г. Полный церковно-славянский словарь. – М.: Отчий дом, 2001. – 720 с.
7. Зализняк, А.А., Левонтина, И.Б., Шмелев, А.Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. Сб.ст. – М.: Яз. слав. культуры, 2005. – 540 с.
8. Колесов, В.В. Русская ментальность в языке и тексте. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2006. – 624 с.
9. Словарь русского языка XI – XVII вв. Выпуск 8, 1981. – 351 с.
10. Словарь русского языка XI – XVII вв. Выпуск 25. – М.: «Наука», 2000. – 273 с.
11. Срезневский, И. Словарь древнерусского языка. В 3 т. – Т. 1. – М.: Книга, 1989.
12. Срезневский, И. Словарь древнерусского языка. В 3 т. – Т. 3. – М.: Книга, 1989.
13. Степанов, Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. – М., 2001.
14. Этика: Энциклопедический словарь / Инст-т философии Рос. АН. – М., 2001.

Сведения об авторах:

Дмитриева Наталья Михайловна, доцент кафедры русской филологии и методики преподавания русского языка Оренбургского государственного университета, кандидат филологических наук

Линтовская Елена Михайловна, магистрант направления «Филология», программы «Речевая коммуникация в профессиональной деятельности (русский язык)» Оренбургского государственного университета

460018, г. Оренбург, пр-т Победы, 13, ауд. 1106, тел. (3532) 372436, e-mail: rusfil@mail.osu.ru.